

Для Аввакума вера — нечто раз навсегда данное и внеположное культуре. «Слыши, христианин, — писал он, — аще мало нечто от веры отложил, — вся повредил... Что положиша и святии отцы, то тут да пребывает неизменно, яко же и Василий Великий рече: не прелагай пределы, яже положиша отцы» (259—261). Церковь в целом обладает полнотой богосознания; напротив, отдельно взятый человек, в качестве члена церкви, не имеет права ее реформировать, поскольку его удел — грех и неведение.¹⁰ Задача его — смиренно исполнять евангельские предназначения: «Пожалуйте, господа ради, попекитесь о душах своих единокровных, койждо как смыслит доброе сделать, ов убо пост и молитву господеви да приносит, ов же милостиню с любовию от совести чисты, ин въздыхание и слезы, ов же труды, рукоделие и поклонцы по силе, на колену, триста на день, или шестьсот, или яко же может и хошет» (390—391). Это одновременно и те добрые дела, значения которых Аввакум не отрицал, и идеал смиренномудрия.

Естественно, что Аввакуму труд учительства и писательства представляется безусловно ниже праведной жизни: «Верному человеку подобает молчанием печатлети уста и выше писанных не мудрствовати» (341). Но сам Аввакум — учитель и писатель. Он обязан снять это противоречие между теорией и практикой. Поэтому он выдвигает идею писательства «по нужде», которое позволительно и необходимо в роковые для церкви времена. Суть церковного нестроения в том, что пастыри, патриарх и архиереи превратились в волков, пожирающих «меньших» христиан. Тогда «простецы» сами берут в руки церковные дела, как показывает и церковная история: «При Евгении, папе римстем, подвижесе род христианский от простаго чина, изгнаша еретика папу Евгения... И бысть распря в народе между болшими и меншими» (274). Аввакум, как защитник «простецов» и сам «простец» («гад есмь и свиния» — это не только риторическая формула), и становится писателем «по нужде»: «Понеже все действо их скрытно под прелестью сатаниновою, на показание прелщенным в вере действуемо, и самим им неведомо то, како простейшему народу явно будет, иже имуще ум воглублен в миросуетствы прелестнаго века сего. Того ради мы, за помощию божию, объявляем все скрытное их коварство и блудню-то в вере» (307). Аввакумово «вяканье» есть дополнительный признак писательства «по нужде»: защитник «меньших» христиан говорит языком униженных простецов.

Если Симеон Полоцкий высоко ставит оригинальное творчество, то Аввакум прямо и с гордостью заявляет о своей литературной несамостоятельности (это — установка, в практике все было иначе): «Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостиню про-

¹⁰ Ср.: Ю. Ф. Самарин. Стефан Яворский и Феофан Прокопович, стр. 58.